

— Ну, вотъ, слава Богу, и повеселились! — встрѣтила ее нянька.

Тѣмъ не менѣе, докторъ продолжалъ навѣщать старика: это была единственная практика во всемъ уѣздѣ, которая представляла какое-нибудь подспорье, такъ что даже сварливая докторша не рѣшилась настаивать на утратѣ такого пациента. Но Ольга уже не вступала съ докторомъ въ разговоръ, а онъ и подавно молчалъ. Обмѣниваясь короткими фразами, обѣдали они вдвоемъ въ урочное время, затѣмъ пожимали другъ другу руки, и онъ уѣзжалъ. День ото дня, перспектива одиночества и какой-то безвыходной тусклости все неизбѣжнѣе и неизбѣжнѣе обрисовывалась передъ ней.

Наконецъ, наступилъ мартъ, и грудь ее вздохнула свободнѣе. Стужа еще не прекратилась, но въ серединѣ дня солнце уже грѣло и въ воздухѣ чуялся поворотъ къ веснѣ. Вотъ и грачи прилетѣли и наполнили сосѣднюю рощу шумнымъ карканьемъ; вотъ на дорожкѣ, ведущей въ паркъ, въ густомъ снѣжномъ слоѣ, ее покрывавшемъ, показались дырочки; на прудъ прибѣгали деревенскіе мальчики и проваливались въ рыхломъ снѣгу. Къ концу марта и въ комнатахъ стало веселѣе, свѣтлѣе. Лучи солнца играли на полу, отражались въ зеркалахъ; на стѣнахъ, неизвѣстно откуда, появлялись „зайчики“. Ольга съ удовольствіемъ слѣдила за игрою лучей, и чувствовала себя менѣе угнетенной. Наконецъ, пришелъ управляющій и объявилъ, что надо запастись провизіей, потому что скоро появятся на дорогахъ зажоры, и въ городъ нельзя будетъ проѣхать. Въ первыхъ числахъ апрѣля на рѣчкѣ тронулся ледъ, и все видимое пространство, и поля, и луга, покрылось водою.

Но въ то же время и погода измѣнилась. На небѣ съ утра до вечера ходили грузныя облака; начинавшееся тепло, какъ бы по мановенію волшебства, исчезло; почти ежедневно шелъ мокрый снѣгъ, о которомъ говорили: молодой снѣгъ за старымъ пришелъ. Но и эта переменна не огорчила Ольгу, а, напротивъ, заняла ее. Все-таки дѣло идетъ къ возрожденію; тѣмъ или другимъ процесомъ, а природа беретъ свое.

На послѣдней недѣлѣ поста Ольга говѣла. Она всегда горячо и страстно вѣровала, но на этотъ разъ сердце ея переполнилось. На исповѣди и на причастіи она не могла сдержатъ слезъ. Но облегчили ли ее эти слезы, или, напротивъ, наполнили ее сердце тоскою—этого она и сама не могла различить. Иногда ей казалось, что она утѣшена, но черезъ минуту слезы опять закипали